

Интервью с Маяковским

Комсомольцы Историко-архивного института Главного архивного управления НКВД разыскали новые документы о В. В. Маяковском.

Ниже мы приводим выдержки из нескольких неизвестных интервью, данных В. В. Маяковским корреспондентам «Таймс» и «Польска вольность».

Перевод интервью сделан комсомольцами: студенткой 2-го курса Ниной Ворониной и аспирантом института тов. Самойловым.

В 1925 г. Маяковский посетил Нью-Йорк. Интервьюировавший его известный американский писатель Майкл Голд привел разговор с Маяковским в газете «Таймс».

«— Нет, Нью-Йорк не современный город, — сказал поэт, без устали измяв шагами свою комнату близ Вашингтон-Сквер. — Нью-Йорк не имеет плана. А всякий продукт индустриального века должен иметь таковой.

— Не уничтожают ли машины более тонкие и изысканные ценности жизни?
— Нет. Все, что может быть так легко уничтожено, ничего другого не заслуживает.

Современем появятся более прочные, более высокие ценности. У меня есть приятель-летчик в Москве. Он говорил мне, что когда он мчится по воздуху со скоростью 100 миль в час, то мозг его работает в пять раз быстрее обыкновенного. Век машин будет стимулировать смелость и свободу мысли.

— Господствуют ли среди русской писательской молодежи те же идеи, как у вас, и кто самые выдающиеся из этой молодежи?

— Эти идеи господствуют повсюду в России. Называть же имена лучших молодых писателей не к чему. Это не имеет никакого значения. Гораздо важнее то, что миллионы мужчин и женщин, восемь лет тому назад не умевшие читать, уже успели отделаться от старых взглядов на литературу и читают самых смелых из

современных молодых писателей... На такой почве искусство не может не расцвести. Искусство должно иметь назначение. И принцип нового искусства: ничего лишнего, ничего без определенного назначения. Я освободил поэзию от риторики. Я вернулся к существенному. Каждое слово, всякое действие, которое я желаю произвести на читателя, я изучаю в том же духе, как это делают люди, составляющие ваши рекламы. Они не хотят потратить зря ни единого слова, все слова должны быть действительны.

Никакой поэмы, никаких пустых фраз, никакой красоты, никакой тоски по прошлому, никакого мистицизма!

Мы, русские, покончили с выжатыми лимонами и обгложенными куриными костями маленького мира либерально-мистической интеллигенции. «На улицу, футуристы, барабанички и поэты» — так я писал в первые дни революции. Искусство застаивается, когда оно респектабельно и изящно. Оно должно вырваться из укутанных бархатом комнат и переукрашенных студий и вступить в тесный контакт с жизнью».

В апреле 1927 года Маяковский посетил Варшаву. Остановился он в отеле «Бристоль». Там его посетил один польский журналист газеты «Польска вольность». Вот как он описывает встречу членов «Клуба пера» с Маяковским:
«Я стучу в дверь 302... Здравомаясь.

— Хочу с вами побеседовать, — представляюсь я.

— Пожалуйста... Я уже слышал о вас. Чем могу служить? Чаю с конфетами, стакан кофе?

— Откуда вы прибыли в Варшаву?

— Из заграничной поездки, во время которой я был в Праге, Берлине, Париже.

— Каковы ваши впечатления?

— Хорошие.

— Как понравилась Прага?

— Хорош город...

— А Берлин?

— Хорош...

Усмехаясь. Чувствуется, что мой собеседник отвечает как-то нехотя.

— Каковы, наконец, ваши варшавские впечатления?

— Очень приятные.

— Напишите что-нибудь о Варшаве?

— Конечно, как только закончу поездку...

Говоря это, он ходит по комнате, потирая руки.

— Можно узнать, с какой целью вы приехали в Варшаву?

— Узнать людей, посмотреть город. Делаю я это по своей инициативе.

Путешествую я на свой счет, по своему желанию...

— Вы не член партии?

— Нет... Но если изменишь своему классу, то уже не будешь писателем... Это означает моральную смерть... Все то, что творят теперь писатели России, — это поэзия действия, борьбы за права человека труда. Я — свободный человек и писатель. Ни от кого я материально не завишу. А морально я связан с тем революционным движением, которое переустраивает Россию на началах социального равенства.

— Как вы, писатели, чувствуете себя в России?

— Хорошо...

— Не чувствуете ли вы себя там связанными?

— Нет. Вне всякого сомнения, если писательская работа не идет только в направлении контрреволюции...

— Как вы зарабатываете?

— Мне платят гонорар в размере от 1 до 2 рублей за строку стиха. Я напечатал около 90 своих книжек, из которых основными являются «Стихи революции» (20.000 экз.), «Война и мир» (30.000), «Мистерия Буфф» (50.000 экз.). Мои вещи переведены на французский, немецкий, грузинский и даже на китайский и польский языки.

— Довольны ли вы польским переводом?

— Я относительно слабо знаю польский язык. Но я все же считаю, что на долю «Мистерии Буфф» и «Левое марша» выпала в этом отношении удача.

— Как у вас обстоит дело со спортом?

— Очень заинтересованы.

— Новые песни?

— Есть новые, есть.

— Сатира?

— 50 процентов моей работы — это сатира.

— Знаете польский язык?

— Нет, знаю только русский и грузинский.

— А каких польских писателей читаете?

— Сенкевича, Жеромского, Струга...

— Над чем работаете сейчас?

— Пишу эпическую поэму, посвященную десятой годовщине Октябрьской революции.

— Долго пробудете в Варшаве?

— Еще несколько дней.

— Значит, напишете о Варшаве, когда вернетесь в Россию?

— Да, конечно.

— Хорошее или плохое?

Маяковский отмахивается, усмекаясь».